

УДК 81·25

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ И КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДА

ПЕТРОВА Ольга Владимировна,

кандидат филологических наук, профессор кафедры теории и практики английского языка и перевода

Нижегородский государственный лингвистический университет

***АННОТАЦИЯ.** В статье рассматриваются подходы к выделению критериев адекватности перевода, определения переводческих стратегий. Автор приходит к выводу, что выделение коммуникативно равноценного перевода, терциарного перевода и переадресации правомерно лишь в плане определения адекватности перевода и не должно рассматриваться как выделение особых видов перевода.*

***КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** стратегии перевода, адекватность перевода, критерии оценки адекватности в переводе.*

PETROVA O.V.,

Cand. Philol. Sci., Professor of the Department of Theory and Practice of English and Translation

Linguistic University of Nizhny Novgorod

TRANSLATION STRATEGIES AND CRITERIA OF TRANSLATION ADEQUACY ASSESSMENT

***ABSTRACT.** The article studies approaches to criteria of translation adequacy, definitions of translation strategies. The author comes to the conclusion that communicative translation, tertiary translation, and redirection should be viewed as categories, instrumental in translation assessment, but not as types of translation.*

***KEY WORDS:** translation strategies, adequacy of translation, criteria of translation adequacy assessment.*

Говоря о сущности перевода, его задачах и критериях оценки его качества, классики советского переводоведения в качестве одного из основных требований называли оказание текстом перевода такого же воздействия на своего получателя, какое текст оригинала оказывает на своего адресата. Именно этим традиционно определялась адекватность перевода. Подобные определения можно найти и в современной учебной и научной литературе.

Вопрос о том, насколько это требование правомерно, обсуждается в переводоведении уже давно. Одно из наиболее популярных возражений состоит в том, что никто не может определить, измерить и сравнить это воздействие. Однако отвлечемся сейчас от этого возражения и будем считать, что в тексте оригинала всегда достаточно успешно реализовано исходное намерение автора, его, как принято говорить, коммуникативная интенция по отношению к адресату, и поэтому переводчику нужно просто создать на другом языке текст, воспроизводящий эту интенцию, воссоздающий коммуникативный потенциал

оригинала. Действительно ли эта коммуникативная интенция всегда должна сохраняться в тексте перевода?

В какой-то мере на вопрос о том, может ли она сохраняться, уже ответил А. Нойберт, выделивший четыре типа текстов в соответствии с четырьмя типами прагматических отношений. Однако А. Нойберт рассматривает эти типы текстов с точки зрения степени их переводимости, с точки зрения прагматической адекватности, поскольку для него сохранение прагматики оригинала – это показатель адекватности перевода [1].

С совершенно иных позиций подходит к этой проблеме М.Я. Цвиллинг, приводящий примеры с военным документом, адресованным союзникам, или с перехваченными инструкциями, которые резидент дает своему агенту. Очевидно, что их перевод по самой своей сути не только не может, но и не должен оказывать на получателя того же воздействия, что и на адресата, поскольку он будет использоваться с прямо противоположной целью. В связи с

этим М.Я. Цвиллинг предложил пересмотреть традиционные представления, сложившиеся в рамках коммуникативно-функционального подхода к переводу, и ввел понятие терциарного перевода [2]. Такой подход в какой-то степени перекликается с принципами скопос-теории, в соответствии с которой требования к переводу определяются не столько исходной интенцией автора, сколько целью, с которой выполняется перевод.

Вместе с тем имеется достаточно широкий круг не углубляющихся в теоретические проблемы переводоведения переводчиков-практиков, по мнению которых, задача переводчика состоит в том, чтобы «просто перевести» текст, перевести все «так, как оно в оригинале». И на первый взгляд, такая точка зрения тоже имеет под собой основания. Дело переводчика – перевести то, что сказано в оригинале. А кто и как этот перевод будет использовать, кто как на него прореагирует – это уже переводчика не касается.

Как ни странно, любой из этих подходов выглядит достаточно убедительно. И аргументы в пользу каждого весомы и непротиворечивы. Но только до тех пор, пока речь идет либо об определенных видах перевода, либо об определенных типах коммуникативных ситуаций, либо об определенных типах текстов.

Думается, что требование тождества воздействия было сформулировано с учетом преимущественно письменного перевода, причем в ситуации, где перевод изначально не планировался или, во всяком случае, не рассматривался как необходимый. Это прежде всего художественный перевод (даже если автор и допускает возможность перевода его произведений на иностранный язык, он обычно не пишет их специально для перевода, а адресует их читателям, принадлежащим к той же лингвокультурной общности, что и он сам). Во многих случаях это и научно-технический перевод – когда текст пишется без учета возможного перевода (не для публикации в другой стране, не для международной конференции, не является описанием товаров, идущих на экспорт, и т.д.).

Протест против обязательного требования коммуникативной равноценности оригинала и перевода исходит главным образом от тех, кто ориентируется на устный перевод, т.к. именно он часто выполняется в условиях, где оригинал изначально ориентирован на перевод. Переводчикам в таких случаях просто не с чем сравнивать коммуникативный потенциал текста на переводящем языке. Поэтому у них и возникает потребность в изменении как этого требования, так и, соответственно, критериев оценки адекватности перевода.

Представление о том, что текст можно «просто переводить», складывается, по-видимому, у тех, кто работает в основном с текстами, которые А. Нойберт относит к первому типу, т.е. с текстами, оригинал которых не предназначен исключительно для аудитории ИЯ, и прежде всего – с научно-техническими, или специальными текстами. Им практически

не приходится сталкиваться даже с проблемами прагматической адаптации, возникающими из-за различий в фоновых знаниях носителей разных языков.

Посмотрим, как же в действительности обстоит дело не с возможностью или невозможностью, а именно с необходимостью, с задачей переводить так, чтобы перевод оказывал на получателя воздействие, аналогичное воздействию оригинала на своего адресата. Начнем с того, что действительно далеко не любой текст имеет своего адресата, не являющегося получателем перевода. К примеру, в ситуациях устного перевода текст оригинала в большом количестве случаев адресован именно получателю перевода (четвертый тип текста по А. Нойберту): выступления перед иноязычной аудиторией, переговоры, любые виды официального и неофициального общения через переводчика в иноязычной среде). В этом случае нет никакого иного получателя оригинала, а у самого говорящего нет никакой коммуникативной интенции по отношению к кому-либо, помимо получателя перевода. Следовательно, нет возможности говорить о каком бы то ни было тождестве воздействия. Но, с другой стороны, при такой двуязычной ситуации общения через переводчика могут присутствовать и коллеги говорящего, понимающие текст оригинала, который им, однако, не адресован. Должно ли воздействие перевода на его получателя совпасть с воздействием оригинала на его слушателей? По-видимому, далеко не всегда. Члены делегации, сопровождающие говорящего, могут уже владеть той информацией, которая является новой для получателя перевода, говорящий может реализовывать какую-то заранее обсуждавшуюся ими коммуникативную программу, да и в любом случае, скажем, призыв к сотруничеству никак не может оказать на них такое же воздействие, как на того получателя перевода, к которому он обращен.

В других случаях текст оригинала, обращенный автором к людям, говорящим с ним на одном языке, изначально ориентирован именно на сограждан (второй тип текстов по А. Нойберту) и по самой своей сути не может и не должен оказывать такого же воздействия на иноязычных получателей, живущих в других странах. Примером могут служить предвыборные выступления политиков, ориентированные на определенное воздействие – побуждение сограждан проголосовать за оратора или его партию. Очевидно, что ни при каком, даже самом, казалось бы, коммуникативно равноценном переводе граждан других стран текст перевода побудить к этому действию не только не может, но и не должен. Но ведь та же предвыборная речь, скажем, кандидата в президенты США может переводиться и для русскоговорящих граждан США, для публикации в русскоязычной газете, где она будет выполнять ту же самую коммуникативную функцию, что и оригинал. Должен ли такой перевод отличаться от перевода, предназначенного для публикации в российской газете?

В последнее время появились работы, в которых вопрос о необходимости воссоздания коммуникативной интенции автора оригинала связывается не только с типом текста, но и с коммуникативной ситуацией, в которой выполняется перевод. В связи с этим В.В.Сдобников выделяет три стратегии перевода: стратегию коммуникативно равноценного перевода (где воссоздание коммуникативной интенции автора является основной целью перевода), стратегию терциарного перевода (где воссоздание в переводе коммуникативной интенции автора изначально не предполагается) и стратегию переадресации (которая предполагает сохранение коммуникативной интенции, но уже адаптированной к другому типу адресата) [3]. Таким образом, традиционное требование оказания на получателя перевода того же воздействия, которое оригинал оказывает на своего адресата, оказывается изначально заданным только при использовании двух стратегий из трех. Выбор той или иной стратегии перевода В.В.Сдобников ставит в зависимость от типа коммуникативной ситуации и, в соответствии с этим, определяет адекватность перевода уже не через обязательное воссоздание коммуникативного потенциала перевода, а через соответствие той цели, с которой этот перевод выполняется [4].

Наличие трех разных стратегий – а каждая из них предполагает свой набор тактик, реализующихся с помощью определенного набора переводческих операций (см. [5]) – означает, что один и тот же текст не только может (что обусловлено исходной многовариантностью перевода), но и должен переводиться по-разному – в зависимости от того, в какой коммуникативной ситуации он переводится. И в этом случае адекватность перевода будет оцениваться не по его соответствию коммуникативной интенции автора оригинала, а по его соответствию ожиданиям получателя или заказчика этого перевода, по его соответствию той цели, с которой предполагается его использовать.

В этой связи вспоминается реакция растерянного получателя сразу двух вариантов перевода одного и того же текста. Сравнив их, он спросил: «А что же там было на самом деле?».

Складывается парадоксальная ситуация. С одной стороны, отечественное переводоведение уже давно ушло от господствовавшего в нем в 60-70-е годы прошлого века чисто лингвистического, текстоцентрического подхода к переводу. Все понимают, что переводчик – это посредник не только между языками, но и между культурами. Поэтому зачастую перевести текст «как там на самом деле» нельзя, потому что он в чем-то (а иногда и во многом) может оказаться непонятным получателю, скажем, из-за различий в фоновых знаниях носителей исходного и переводящего языков, из-за различий в сложившихся у разных народов способов описания каких-то ситуаций, из-за разной категоризации мира носителями разных языков. Только ленивый, кажется, не вспоминал в этой связи проблему перевода

слова «белоснежный» на языки народов, живущих в экваториальной Африке. Перевести «как есть» – это сказать «белый, как снег», а потом в порядке прагматической адаптации долго в примечании объяснять, что такое снег и как он выглядит. Вряд ли кого-то порадует такой перевод, причем не только в поэзии, но и в обычном светском репортаже, где сказано, что невеста была в белоснежном платье. Любая попытка обойтись без снега – не обязательно классическим сравнением с пером белой цапли, но даже, скажем, просто названием цвета – уже не будет переводом «как есть». Да и что считать переводом «как есть»? Будет ли, к примеру, таковым санкционированный большинством словарей перевод слова «спекуляция» (в значении «скупка и перепродажа») английским «speculation»? Ведь у нас и «у них» и в социальном, и в юридическом аспектах это совершенно разные явления, хотя по словарным определениям они и соответствуют друг другу. Понятно, что в подобных случаях для того, чтобы сказать то же самое, нужно это сказать по-другому. О проблемах передачи реалий, в том числе и национально-культурно-специфичных концептов, уже и говорить не приходится. Для всего этого и существует прагматическая адаптация текста.

С другой стороны, внесение переводчиком в текст такого рода изменений явно не зависит от цели, с которой выполняется перевод. В какой-то степени необходимость в них или ее отсутствие могут определяться характером получателя перевода. Так, скажем, при переводе текста общественно-политического характера для широкого круга читателей требуется значительно более полная прагматическая адаптация, чем при переводе этого же текста для политологов, которым знакомо большинство встречающихся в тексте имен и которые так же, как и носители исходного языка, понимают аллюзии к определенным политическим событиям и т.д. Но в этом случае речь идет о тех или иных формах прагматической адаптации, а не о разных стратегиях перевода.

Для чего же нужны разные стратегии? Действительно ли переводы текста, выполненные в разных коммуникативных ситуациях, должны различаться настолько, чтобы можно было говорить о разных стратегиях, то есть о разных программах действий переводчика? Чем перевод военного документа для союзников с целью организации совместных действий должен отличаться от его перевода для противника, который хочет эти действия предотвратить? Что и зачем при переводе нужно менять в тексте радиоперехвата? Ведь контрразведке нужно иметь именно ту информацию, которую резидент сообщает своему агенту. Почему для этих целей нельзя использовать текст, переведенный на основе стратегии коммуникативно равноценного перевода? По всей видимости, речь должна идти не о том, что в таких ситуациях текст нужно переводить как-то по-другому, а о том, что по-другому, с другими требованиями нужно подходить к оценке качества перевода.

В действительности как текст оригинала, так

и текст перевода могут читать разные люди и с разной целью. И каждый должен иметь возможность получить из него всю ту информацию, которая ему нужна. Ведь именно так обстоит дело с самым оригиналом. Читая, скажем, текст предвыборной речи, один человек хочет понять, за кого ему нужно голосовать, другой – посмотреть, какую программу предлагает его конкурент (за которого он явно не будет голосовать), третий – просто чтобы скоротать время в очереди к стоматологу. То же самое происходит и с текстом перевода: одни политически активный человек читает, чтобы понять, как складывается предвыборная ситуация в интересующей его стране, другой – чтобы поучиться, как нужно или как нельзя строить предвыборную речь, третий – чтобы скоротать время. Обычно переводчик не может ориентировать свой перевод на каждого отдельного получателя. Но он может перевести текст так, чтобы из него, как и из оригинала, каждый читатель мог почерпнуть именно то, что его интересует. То есть, перевести так, чтобы читатель получил всю ту информацию, которую он нашел бы в тексте, если бы владел иностранным языком и мог прочесть эту предвыборную речь в оригинале.

Думается, что в данном случае происходит смешение нескольких понятий. Причем в ряде случаев мы сами становимся заложниками собственных, нами самими придуманных терминов. По сути дела, коммуникативно равноценный перевод – это и есть перевод «как есть», только с восполнением отсутствующих у носителя переводящего языка знаний, имеющихся у носителя исходного языка (без них он не был бы переводом). А как он будет использоваться, уже никакого отношения к переводчику не имеет. Он может оказывать на кого-то воздействие, аналогичное тому, которое оригинал оказывает (а точнее – призван оказывать) на своего адресата, а может и не оказывать. Главное, чтобы в нем была воспроизведена вся информация (содержательная, эмотивная, стилистическая), имеющаяся в оригинале. Если таким образом перевести предвыборную речь, то этот перевод подойдет и русскоязычным гражданам той страны, где эта речь произносилась, и тем читателям российской газеты, которые хотят знать, какова платформа этого кандидата, и тем, кто хочет поучиться писать речи, и даже тем, кто хочет пользоваться переводом этой речи, попробовать через Интернет как-то дискредитировать ее автора. Беда только в одном – в названии «коммуникативно равноценный». Сразу возникает вопрос: равноценный чему? А вот на этот вопрос ответа, как мы видели, может и не быть.

Если терциарный перевод понимать как такой перевод, в котором сохранено только то, что может интересовать заказчика или получателя, то мы, по сути дела, должны говорить об адаптивном транскодировании, которое В.Н. Комиссаров определяет как «вид языкового посредничества, при котором происходит не только транскодирование (перенос) информации с одного языка на другой (что имеет место и при переводе), но и ее преобразование

(адаптация) с целью изложить ее в иной форме, определяемой не организацией этой информации в оригинале, а особой задачей межъязыковой коммуникации». При этом В.Н. Комиссаров подчеркивает, что «специфика адаптивного транскодирования определяется ориентацией языкового посредничества на конкретную группу Рецепторов перевода или на заданную форму преобразования информации, содержащейся в оригинале. Таким образом, адаптивное транскодирование, подобно переводу, представляет собой особую репрезентацию содержания оригинала на ПЯ, но в отличие от перевода создаваемый текст не предназначен для полноценной замены оригинала» [6, с. 48]. Следовательно, отличие текста перевода от текстов, созданных в результате любых видов адаптивного транскодирования, заключается в том, что текст перевода может использоваться во всех ситуациях, в которых мог бы использоваться оригинал, тогда как текст, созданный в результате адаптивного транскодирования, может использоваться лишь в тех целях, для которых он создавался.

С этой точки зрения и терциарный перевод, и переадресация – это разновидности адаптивного транскодирования. В обоих случаях создаются тексты, предназначенные для определенных, не предусмотренных автором оригинала целей или для другой аудитории, отличающейся от целевой аудитории оригинала чем-то, помимо принадлежности к иной языковой культуре.

Можно спорить о том, правомерно или неправомерно В.Н. Комиссаров отказывает некоторым видам языкового посредничества в статусе перевода, относя их к адаптивному транскодированию. Но это уже вопросы чисто теоретические. На практике переводчику никогда не дают заказа на «адаптивное транскодирование». Ему говорят: «Переведи так, чтобы...». И здесь действительно возникает вопрос: где кончается перевод и переводчик начинает выполнять какие-то иные функции. По сути говоря, реферативный перевод – это совмещение двух разных видов деятельности. Если бы переводчик выполнял только свои прямые обязанности, он бы сделал перевод, на основе которого потом кто-то написал бы реферат. То же самое происходит и сокращенным переводом. Выполненный переводчиком перевод тот, кому это нужно, мог бы сократить в соответствии со своими потребностями. И адаптировать текст перевода, скажем, для детской читательской аудитории мог бы кто-то другой. Во всех этих случаях переводчик фактически сначала обрабатывает оригинал, решает, что можно опустить, что нужно сказать попроще, а потом уже переводит этот сложившийся в его сознании текст. Именно для этой обработки, а не для самого перевода и служат описываемые В.В. Сдобником тактики. В итоге создается именно перевод – только уже обработанный, измененного текста. И о том, может ли он служить полноценной заменой оригинала, нужно говорить именно по отношению к этому измененному оригиналу. В таком случае адаптивное

транскодирование можно считать переводом, к которому предъявляются все те же требования, что и к переводу неизмененного оригинала, - служить заменой измененного варианта текста.

Если, вслед за В.Н. Комиссаровым, переводом называть только текст, который предназначен для полноценной замены оригинала, то есть то, что, по В.В. Сдобникову, является коммуникативно равноценным переводом, то терциарный перевод и переадресация – это перевод иных текстов, отличных от исходного. И по отношению к ним он также будет коммуникативно равноценным. При этом необходимость в определении его как коммуникативно равноценного автоматически отпадает и мы приходим к тому, что перевод есть создание текста, полноценно заменяющего оригинал во всех возможных ситуациях его использования.

Сказанное никак не отменяет того, что к оценке адекватности перевода нужно подходить с учетом коммуникативной ситуации, в которой он выполнялся. Не отменяет это и того утверждения, что перевод далеко не всегда должен оказывать на получателя воздействие, анало-

гичное тому, которое оказывает оригинал на своего адресата. И не только потому, что такого адресата может не быть. Но и потому, что текст перевода может быть использован с совершенно иной целью, нежели оригинал. И адекватность действительно может оцениваться с учетом цели создания перевода. Она должна была бы оцениваться по тому, может ли текст на переводящем языке быть полноценной заменой оригинала. Но поскольку в ситуации терциарного перевода или переадресации текст оригинала как таковой не существует, а представляет собой результат переработки переводчиком исходного текста, то единственным критерием оценки становится именно соответствие перевода той цели, с которой он, как и предшествующая ему переработка текста, выполнялся.

Таким образом, представляется вполне оправданным и целесообразным говорить и о собственном переводе (как его изначально В.В. Сдобников и называл [4]), и о терциарном переводе, и о переадресации, но только не как о каких-то разновидностях перевода, а как о типах коммуникативных ситуаций, с учетом которых может определяться адекватность перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Нойберт А. Прагматические аспекты перевода / А. Нойберт // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: Сб. статей. М.: Междунар. отношения, 1978. – 185-202. – С. 253.
2. Цвиллинг М.Я. О некоторых модификациях коммуникативного подхода к понятию перевода / М.Я. Цвиллинг // О переводе и переводчиках: Сборник научных статей. – М.: Восточная книга, 2009. – С. 80-85.
3. Сдобников В.В. Коммуникативная ситуация как фактор определения стратегии перевода / В.В. Сдобникова // Вестник НГЛУ. – 2011. – Вып.14. – С. 114-123.
4. Сдобников В.В. Типология перевода: коммуникативно-функциональный подход / В.В. Сдобников // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. - 2010. - Вып. 10. - С. 132-144.
5. Сдобников В.В. Тактики перевода художественного текста / В.В. Сдобников // Проблемы перевода, лингвистики и литературы: Сборник научных трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». - Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 2012. – Вып. 15. - Том 1. - С. 180-203.
6. Комиссаров В.Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты) / В.Н. Комиссаров. - М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.